

УДК 902

Р. Н. Модин

**РАННИЙ ГОРИЗОНТ
КУШМАНСКОГО ГОРОДИЩА УЧКАКАР, IX–XII вв.**

В статье рассматривается ранний хронологический горизонт одного из ключевых памятников чепецкой археологической культуры – Кушманского городища Уччакар. Описаны особенности культурного слоя раннего поселения, определена его датировка, дана характеристика выявленных сооружений и вещевого комплекса. Ранее средневековое поселение на территории Кушманского городища Уччакар было ограничено оборонительными сооружениями, состоящими из деревоземляной стены и рва. Они защищали поселение площадью 6–10 тыс. кв. м. Культурный слой раннего поселения имел небольшую мощность – 0,2 м. В нем выявлены и исследованы раскопками несколько сооружений, два из которых представляют собой остатки наземных построек, еще одно – каменную выкладку неясного назначения. Вещевой комплекс раннего горизонта позволяет определить время бытования поселения в пределах IX–X вв. Оно прекратило существование после разрушения оборонительных сооружений, руины которых частично перекрыли культурный слой раннего поселения. Культурный слой позднего хронологического горизонта на этом участке городища формировался уже на поверхности руин оборонительных сооружений раннего периода. Небольшая площадь раннего поселения, защищенного внушительными оборонительными сооружениями, а также особенности его культурного слоя позволяют выдвинуть гипотезу, что оно служило в качестве убежища для жителей другого, близлежащего укрепленного поселения – Кушманского III селища.

Ключевые слова: городище, поселение, хронологический горизонт, стратиграфия, находки, культурный слой, сооружение, вал, ров, датировка, бусина, сердцевидная бляха, копоушка, перстень, пряжка, геофизические измерения.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-507-516

Кушманское городище Уччакар находится в Ярском районе Удмуртской Республики, в 1,6 км к ЗЮЗ от нежилой д. Кушман, в 6,2 км к ЮВ от д. Озерки. Городище знакомо исследователям с конца XIX в. В 1930 г. здесь провел раскопки А. П. Смирнов [Иванова 1976, 93, 105–106]. В 2011–2017 гг. городище и его округа исследованы комплексной экспедицией Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН и Физико-технического института УрО РАН при участии сотрудников Института археологии РАН. Результаты этих исследований опубликованы в отдельной монографии [Журбин и др. 2018].

Памятник расположен на правом берегу р. Чепцы, на мысу, ограниченном с юго-востока берегом реки, с северо-запада – оврагом, по которому протекает ручей Каршур (удм. городищенская речка). Ориентированная по линии СЗ-ЮВ площадка имеет подтреугольную форму. На ней визуально прослеживаются две линии обороны. Внешний вал дугообразной формы имеет длину 170 м, ширину основания до 18 м, высоту около 1 м. Ширина рва достигает 10 м. Вто-

рая линия обороны находится на расстоянии 112 м к юго-западу. Длина вала здесь составляет 98 м, ширина основания – до 14 м. Ров шириной 10–15 м прослеживается ближе к краям площадки. Третья, наиболее ранняя линия фортификационных сооружений выявлена геофизическими методами [Zhurbin, Ivanova 2018] и исследована раскопками 2013–2016 гг. Она была разрушена и сnivelирована еще в древности и в настоящее время в рельефе не выделяется. Идентичная картина представлена на городище Иднакар, где наиболее древняя линия оборонительных сооружений также была разрушена еще в средневековье и перекрыта более поздним культурным слоем [Иванова 1998, 18–22]. Ранняя линия обороны Уччакара представляла собой деревоземляные укрепления, состоявшие из рядов срубов-городен, заполненных в основном плотной материковой глиной. Этот вид фортификационных сооружений в различных вариациях был широко распространен в средневековье на территории Древней Руси, Волжской Болгарии, Европе [Журбин и др. 2018, 43–44; Frühmittelalterlicher Burgenbau... 1998, 12, 56, 58, 170, 205, 226, 230, 344, 346, 367]. При разрушении городен грунт, заполняющий их, высыпался в ров, заполнив его нижнюю часть и частично перекрыв примыкающий с внутренней стороны участок площадки городища. Впоследствии ров был полностью засыпан остатками материкового грунта, заполнявшего городни, а поверхность на этом месте выровнена и использована в дальнейшей хозяйственной деятельности [Журбин и др. 2018, 44–45]. Таким образом, культурный слой городища в районе расположения наиболее древней, внутренней линии оборонительных сооружений оказался разделен ее руинами на два стратиграфических горизонта, отражающих два периода в жизни поселения (рис. 1). Ранние напластования (Горизонт I) относятся ко времени возведения и функционирования этой линии фортификации. К позднему хронологическому горизонту (Горизонт II) относятся напластования, отложившиеся после прекращения функционирования внутренней линии обороны, частично сформировавшиеся на поверхности ее руин. В статье речь пойдет о раннем хронологическом периоде бытования Кушманского городища.

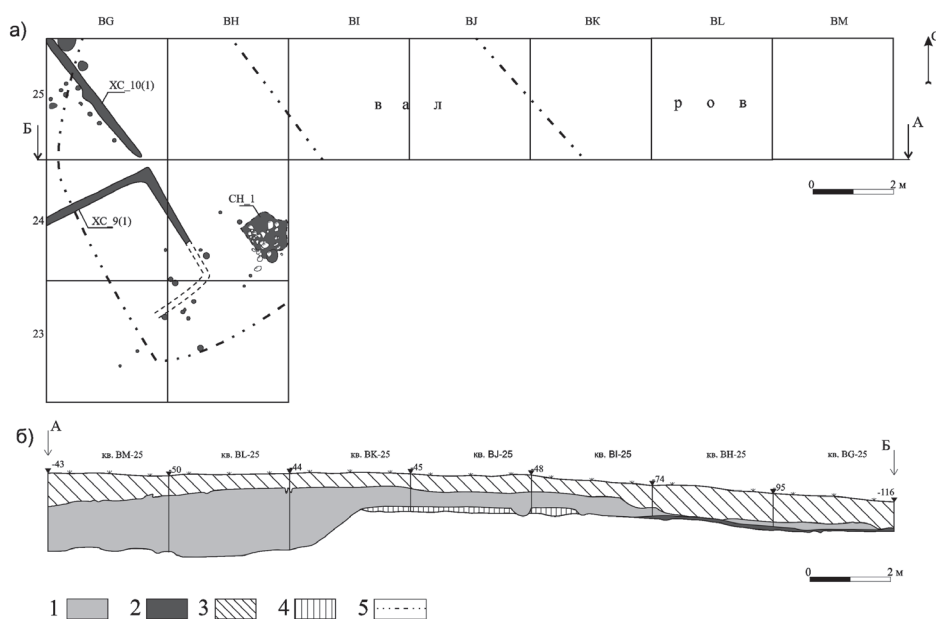

Рис. 1. Раскопы 3, 4 2013–2017 гг. Сводный план раннего горизонта (а) и стратиграфическая схема по одному из бортов раскопов (б).

- 1 – руины внутренней линии обороны в профиле; 2 – культурный слой раннего хронологического горизонта; 3 – напластования позднего хронологического горизонта; 4 – погребенная почва; 5 – границы руин внутренней линии обороны на плане

На раннем этапе территория городища была ограничена внутренней линией обороны. За ее пределами, на средней и внешней площадках, ранние напластования не зафиксированы.

В состав раннего горизонта входят три группы слоев:

1) культурный слой, отложившийся во время функционирования внутренней линии обороны. Он состоит из слоя бурого суглинка погребенной почвы с примесью темно-серого и серого суглинка, местами с органическими примесями. Раскопками исследована лишь малая часть этих напластований (ок. 50 кв. м), примыкающая к оборонительной стене. На этом участке их мощность не более 0,2 м. Частично ранний культурный слой перекрыт слоем руин оборонительных сооружений. На остальной части участка исследований – поврежден перекопами более поздних напластований;

2) прослойки, сформировавшиеся на дне рва во время его бытования вследствие процессов почвообразования. Сюда входят слои темного зеленовато-серого суглинка с углем и древесным тленом и пестрого темно-серого суглинка, смешанного с темно-зеленой глиной, с включениями рыжей материковой глины с большим содержанием угля и включением древесного тлена. Мощность этой группы слоев не превышает 0,16–0,18 м;

3) руины внутренней линии обороны. Прежде всего, это слои бледно-рыжей глины с различными включениями и перемешанного грунта, состоящего в основном из серовато-бурого суглинка со значительными включениями пестрой глины. Этим грунтом заполнен ров. Им же перекрыт участок культурного слоя, примыкавший к оборонительной стене. Часть этого грунта следует исключить из состава раннего горизонта, так как она была использована для засыпки котлованов углубленных объектов в поздний период.

К раннему горизонту относится небольшая группа сооружений (рис. 1). Два из них представляют собой наземные хозяйственные постройки.

XC_9(1)¹. Подпрямоугольные очертания пятна темно-бурого суглинка на месте постройки начали просматриваться в предматериковом слое сразу под остатками руин оборонительных сооружений, перекрывшими ее северо-восточную часть. На уровне материка удалось зафиксировать северо-восточную границу постройки с двумя углами в виде неглубокой канавы – вероятно, следы нижних бревен. С внешней стороны, вдоль границ постройки расположены столбовые ямки, что свидетельствует о ее каркасно-столбовой конструкции. В центральной и юго-западной части постройка прорезана тремя более поздними сооружениями, поэтому ее юго-западную границу проследить не удалось. Возможно, она незначительно уходит в западный борт раскопа. В пределах раскопа размеры постройки 3,2*3 м. Скорее всего, она имела хозяйственное назначение, о чем свидетельствует отсутствие следов отопительного сооружения (очага).

XC_10(1). С севера к сооружению XC_9 (1) примыкают остатки еще одной постройки, имевшей также каркасно-столбовую конструкцию. В раскопе удалось проследить ее северо-восточную границу в виде неглубокой канавы, оставшейся от вдавленного в материк нижнего бревна, от которого сохранился небольшой фрагмент. Вдоль канавы расположены столбовые ямки. Еще одна линия столбовых ямок расположена перпендикулярно ей. Постройка уходит в западный борт раскопа. Размеры исследованной части составляют 2,7*2 м. Как и предыдущая постройка, она прорезана более поздними сооружениями.

Еще одно сооружение – **CH_1** – относится к объектам неясного назначения. Оно представляет собой П-образную каменную выкладку из некрупных камней. Ее размеры составляют 0,7*0,6 м. То, что камни не имеют следов термического воздействия, исключает вероятность того, что это очаг.

Хронологические рамки раннего горизонта определяются временем функционирования внутренних оборонительных сооружений. Из погребенной почвы, расположенной непосредственно под валом, происходит всего одна находка – округлая бусина синего цвета (рис. 2, 1). В Приуралье подобные бусы встречены в Поломском I могильнике (кон. VI–нач. X вв.), а также на памятниках ломоватовской культуры, где датируются кон. VIII–IX вв. По мнению З. А. Львовой, бусы подобной разновидности относятся к ломоватовским [Львова 1973, 94–95; Рис. 2, 25–34;

¹ Наименования объектов даны в соответствии с общей классификации сооружений для Кушманского городища Учкакар [Журбин и др. 2018, 63–69].

Рис. 2. Вещевой комплекс из слоев раннего хронологического горизонта. 1 – 5 – бусины; 6 – сердцевидная бляха; 7 – рамка от пряжки; 8 – перстень; 9 – зооморфный амулет; 10, 13 – копоушки; 11 – предмет неясного назначения; 12 – наконечник стрелы.
1 – 5 – стекло; 6, 7 – цветной металл; 8 – цветной металл, стекло; 9 – 13 – кость

часть заполнения рва. Этот грунт представляет собой материковую глину с различными включениями, взятую для заполнения городен при возведении оборонительной стены и высыпавшуюся в ров при его разрушении (горизонты А1 и Б заполнения рва) [Журбин и др. 2018, 38–45]. Найденные в них вещи могли попасть туда только во время строительных работ. Эти находки представлены многочастной пронизкой из желтого стекла, обломком желтой стеклянной бусины с реснитчатыми глазками, 1 экз. желтого бисера, прямоугольной рамкой восьмерковидной пряжки, костяной орнаментированной копоушкой, костяным зооморфным амулетом в виде изображения медведя, обломком неясного костяного изделия (рис. 2, 3–5, 7, 9–11).

Желтые многочастные пронизки имеют те же закономерности распространения, что и аналогичные изделия из синего стекла. В X в. они встречаются в основном в северных и центральных районах Европы [Львова 1968, 89]. Глазчатые желтые бусы с реснитчатыми глазками широко распространены во времени и пространстве. Они представлены на памятниках IX–XII вв. Скандинавии, Восточной Европы, Древней Руси, Волжской Болгарии, марийских могильниках, в Пермском Приуралье и других территориях [Львова 1968, 77; Валиулина 2005, 93–94; Рис. 29, 10; 48, IV, V; Никитина 2012, Рис. 290, 15; Thunmark-Nylén 1998, Taf. 313; Arents, Eisenschmidt 2010, Taf. 128, 2;]. Бусина из внутреннего рва Уччакара имеет сине-зеленый глазок с белыми и красными ресничками. Бусины с аналогичными глазками встречены в погребениях 628, 1067 Бирки [Arbman 1940, Taf. 121, 13b, 16], среди материалов первой половины-середины X в.

Голдина, Королева 1983, 40–69; Цв. вкл.]. Из прослойки, сформировавшихся на дне рва, происходят трехчастная стеклянная синяя пронизка и сердцевидная бляха (рис. 2, 2, 6). Многочастные синие пронизки датируются в Старой Ладобе VIII–IX вв. [Львова 1968, 88]. По утверждению Й. Калмера, многочастные пронизки более чем с двумя сегментами наиболее характерны для кон. VIII–нач. IX вв., для более позднего времени – кон. IX–X вв. – они необычны [Калмер 2000, 55], хотя продолжают встречаться в X–XI вв. на обширной территории [Львова 1968, 88–89]. В Булгаре они встречаются в слоях кон. IX–нач. XI вв. [Полубояринова 1988, 154]. В Верхнем Прикамье подобные бусы встречаются на памятниках VIII–XI вв. [Голдина, Королева 1983, 58, 64]. Они найдены на могильнике Мыдлань-шай, Поломском I и др. могильниках [Генинг 1962, Табл. XVI, 38; Львова 1973, 93; Рис. 3, 14].

Сердцевидные бляхи, подобные нашей, найдены на Лядинском могильнике X–XI вв. [Ястребов 1893, Табл. VI, 21, 24], могильнике Черемисское кладбище VIII–XI вв. [Никитина 2012, 218, рис. 112, 3, 4], погребении 31 X–нач. XI вв. Анаткасинского могильника [Никитина и др. 2018, Рис. 3, 20]. Судя по этим находкам, вероятное время возведения и функционирования внутренней линии обороны Кушманского городища находится в пределах IX–X вв.

Указанной датировке не противоречат находки из грунта, составляющего нижнюю

в Прибалтике [Calmer 1997, Taf. 18, 10], в финском могильнике Луистари [Lehtosalo-Hilander 1982, Plate IV, 5], могильнике Минино II на Кубенском озере [Захаров, Кузина 2008, Рис. 145, 7]. Желтый бисер является одной из наиболее распространенных форм стеклянных бус с кон. I тыс. до н.э. вплоть до позднего средневековья [Львова 1968, 87].

Прямоугольная рамка от восьмерковидной пряжки имеет выходящие концы. Пряжки с подобными рамками находят многочисленные аналогии на финно-угорских памятниках Приуралья IX–X вв. В ломоватовской культуре такие пряжки известны в материалах IX в. [Голдина 1985, Табл. IX, 2, 9]. Они встречены в Поломском I могильнике [Иванов 1997, Рис. 50, 16; 51, 4], в Варнинском могильнике среди погребений IX в. [Семенов 1980, Табл. XI, 9, 10, 13–15], в могильнике Мыдлань-шай [Генинг 1962, Табл. 3, 10], в погребениях IX в. Агафоновогo II могильника [Голдина, Ютина 2012, Рис. 4, 1], в Большетиганском, Танкеевском, Тетюшском могильниках IX–X вв. [Казаков 1992, Рис. 20, 108; 33, 5; 73, 41], в курганах IX–X вв. Южного Урала [Мажитов 1981, Рис. 42, 25; 63, 3].

Костяная пластинчатая копоушка с орнаментом из заштрихованных треугольников на одной стороне и заштрихованных дуг на другой принадлежит к «прикамскому» этнокультурному типу этих изделий, наиболее часто встречающемуся на ломовско-чепецких и ломоватовско-родановских памятниках [Крыласова 2007, 282]. Три копоушки точно с таким же орнаментом найдены на Каневском могильнике VIII–IX вв. ломоватовской культуры, еще два экземпляра происходят с Рождественского городища [Голдина 1985, Табл. XXXII, 4; Крыласова 2007, 285; Рис. 117, 7; Белавин, Крыласова 2008, Рис. 192, 1].

Культурный слой раннего поселения вне пределов оборонительных сооружений исследован на площади всего 50 кв. м. Комплекс индивидуальных находок из него состоит всего из трех предметов: фрагмента перстня со вставкой из синего стекла, костяного наконечника стрелы и фрагмента костяной копоушки (рис. 2, 8, 12, 13). Находка перстня со стеклянной вставкой подтверждает сделанный вывод о датировке внутренней линии обороны и, следовательно, – раннего поселения. Подобные перстни имеют многочисленные аналогии в могильниках IX–X вв. Приуралья. Они найдены в Варнинском могильнике [Семенов 1980, Рис. 10, 219], в погр. № 6 Качкашурского I могильника, датированном IX в. [Иванов 1991, 152, 156. Рис. 5, 16], в комплексах IX в. Агафоновогo II могильника [Голдина, Ютина 2012, 448, 468. Рис. 4, 14], погребении № 3 Кочергинского могильника, Рябиновском кладе X в. [Талицкий 1940, Табл. III, 27; С. 167], могильнике Мыдлань-Шай [Генинг 1962, 41; Табл. II, 5–7]. За пределами Приуралья аналогичные перстни встречены в раннеболгарских могильниках IX–X вв. [Казаков 1992, Рис. 13, 33], марийских могильниках (погр. № 10 IX в. Веселовского могильника) [Никитина 2012, 73, 137. Рис. 31, 10, 11]. Известны подобные находки и далеко за пределами Приуралья, например, в погр. 515 и 526 Бирки [Arbman 1940, Taf. 111, 1, 3].

Вещевой комплекс из разных структурных частей горизонта I немногочислен и состоит в основном из вещей, встречающихся на протяжении нескольких столетий. Тем не менее в коллекции присутствуют находки, время распространения которых по известным аналогам наиболее характерно для периода IX–X вв. К таковым относятся синяя и желтая многочастная пронизки, сердцевидная бляха, прямоугольная рамка с выходящими концами от восьмерковидной пряжки, перстень со стеклянной вставкой. Нельзя не обратить внимание, что точная копия орнаментированной копоушки происходит из могильника VIII–IX вв. Время распространения остальных находок также укладывается в эти пределы. Таким образом, по имеющимся данным временные рамки раннего горизонта Кушманского городища Уччакар могут быть определены в пределах IX–X вв. К сожалению, имеющийся на данный момент вещевой материал ограничивает возможности для более узкой датировки этого горизонта. В первую очередь это связано с тем, что раскопками затронут совсем небольшой участок культурного слоя раннего поселения, который к тому же слабо насыщен находками.

Территория раннего поселения, ограниченного внутренней линией обороны, была невелика (рис. 3). В настоящее время площадь внутренней площадки городища составляет ок. 6 тыс. кв.м.,

однако, учитывая эрозионные процессы, в древности она могла достигать 8–10 тыс. кв. м. Как и на остальных структурных частях городища, для оценки состояния культурного слоя здесь проводились геофизические измерения и почвенные бурения. Согласно данным этих исследований, более выраженный культурный слой присутствует только на участке, прилегающем к оборонительным сооружениям. Его мощность здесь составляет ок. 1 м, из которых ок. 0,8 м приходится на поздний хронологический горизонт, сформировавшийся на руинах внутренних оборонительных сооружений. На остальной части внутренней площадки мощность культурного слоя не превышает 0,2 м, которые полностью входят в современный пахотный горизонт [Журбин и др. 2018, 49]. Скорее всего, культурный слой здесь изначально был несколько мощнее, но вследствие эрозионных процессов и распашки его часть была утрачена. Еще одним результатом геофизических измерений на внутренней площадке, на который следовало бы обратить внимание, является отсутствие аномалий, предположительно связанных с углубленными хозяйственными сооружениями, за исключением участка, примыкающего к руинам оборонительных сооружений. Но эти аномалии соответствуют сооружениям позднего хронологического горизонта [Журбин и др. 2018, 71–84].

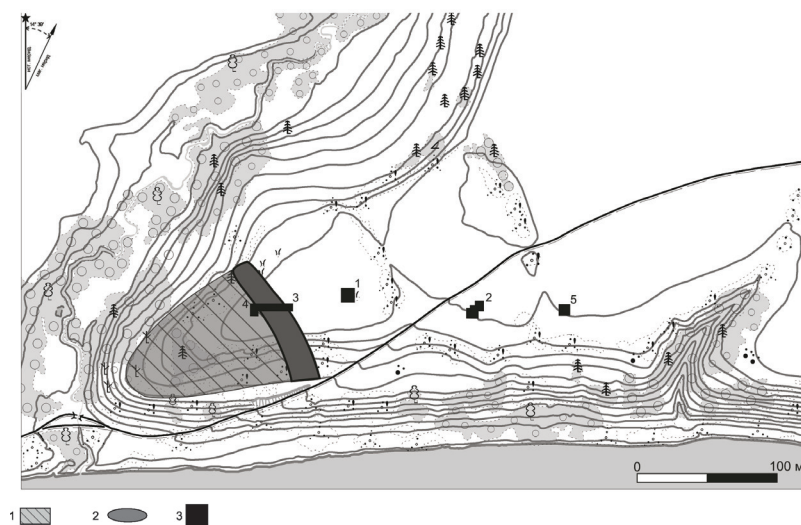

Рис. 3. Топографический план Кушманского городища Учкакар с обозначением границ раннего поселения.

- 1 – зона распространения раннего хронологического горизонта;
2 – внутренняя линия обороны; 3 – раскопы 2012–2017 гг.

Таким образом, на настоящий момент мы располагаем следующими сведениями о раннем горизонте Кушманского городища: 1) раннее поселение имело небольшую площадь, но в то же время было окружено довольно значительными оборонительными сооружениями, включающими деревоземляную стену, состоящую из двух рядов городен, забутованных глиной, и рва [Журбин и др. 2018, 37–46]; 2) его культурный слой имеет малую мощность, в нем отсутствуют крупные углубленные хозяйственные сооружения; 3) ранний культурный слой слабо насыщен находками. Два последних факта свидетельствуют о том, что на поселении в ранний период его функционирования не велась какая-либо интенсивная хозяйственная деятельность. Эта особенность существенно выделяет городище Учкакар из ряда крупнейших поселений чепецкой культуры – Иднакара, Гурьякара и Учкакара [Zhurbin 2020]. В то же время наличие крупных оборонительных сооружений свидетельствует о его важной оборонительной функции. Сопоставив эти факты, можно сделать предположение об особой роли раннего городища IX–X вв. Например, что оно представляло собой не стационарное поселение, а использовалось в качестве убежища жителями другого, близлежащего поселения. В качестве такого поселения могло выступать расположенное всего в 0,4 км к востоку Кушманское III селище, которое, по дан-

ным последних междисциплинарных исследований, являлось укрепленным поселением с мощным культурным слоем [Zhurbin et al. 2019]. Данная гипотеза еще требует проверки, но аналогии подобным ситуациям известны. В качестве одного из ближайших примеров можно привести Рождественский археологический комплекс на р. Обве в Пермском Приуралье. В состав комплекса входят Рождественское и Филипповское городища, расположенные на соседних мысах. Второе интерпретируется как убежище для жителей соседнего, основного поселения. Оно значительно уступает ему по площади, его культурный слой также имеет малую мощность (25 см) и слабо насыщен находками [Белавин, Крыласова 2008, 53–54, 82–85].

ЛИТЕРАТУРА

- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ, 2008. 603 с.
- Валиулина С. И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2005. 280 с.
- Генинг В. Ф. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 3. Свердловск, 1962. С. 7–111.
- Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
- Голдина Р. Д., Королева О. П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 1983. С. 40–71.
- Голдина Р. Д., Ютина Т. К. О датировке и хронологии погребальных комплексов Агафонового могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа: Хронологическая атрибуция: Материалы и исследования Камско-Вятской экспедиции. Т. 25. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 447–472.
- Журбин И. В., Антипина Е. Е., Иванова М. Г., Лебедева Е. Ю., Модин Р. Н., Сергеев А. Ю., Яворская Л. В. Междисциплинарные исследования Кушманского городища Уччакар IX–XIII вв.: методика комплексного анализа. М.: ТАУС, 2018. 248 с.
- Захаров С. Д., Кузина И. Н. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 2.: Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2007. С. 142–214.
- Иванов А. Г. Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1991. С. 140–180.
- Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V–первая половина XIII в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 309 с.
- Иванова М. Г. Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск: Удм. науч.-исслед. ин-т истории, экономики, литературы и яз., 1976. С. 93–106.
- Иванова М. Г. Иднакар: Древнеудмурское городище IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
- Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.
- Калмер Й. Ранние бусы из раскопок древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Казань: Изд-во "Мастер-Лайн", 2000. С. 54–58.
- Крыласова Н. Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2007. 352 с.
- Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладоги. Ч. I: Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 63–94.
- Львова З. А. Бусы I Поломского могильника // АСГЭ. 1973. Вып. 15. С. 83–104.
- Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.
- Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. 408 с.
- Никитина Т. Б., Кутузова Д. О., Воробьева Е. Е. Погребения с бусами Анаткасинского могильника // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 199–219.
- Полубояринова М. Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 149–217.
- Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1980. С. 5–135.

- Талицкий М. В.* Кочергинский могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. № 1. 1940. С. 159–168.
- Ястребов В. Н.* Лядинский и Томниковский могильники // Материалы по археологии России. № 10. СПб., 1893.
- Arbman H. Birka. I.* Die Gräber. Tafeln. Stockholm–Uppsala, 1940.
- Arents U., Eisenschmidt S.* Die Gräber von Haithabu. Band 2: Katalog, Listen, Tafeln, Beilagen. Neumünster: Wachholtz, 2010. 430 p.
- Calmer J.* Beads and bead production in Scandinavia and the Baltic Region c. ad 600–1100: a general outline // *Perlen: Archäologie, Techniken, Analysen.* Bonn, 1997. P. 197–202.
- Frühmittelalterlicher Burgenbau* in Mittel- und Osteuropa. Bonn, 1998. 451 p.
- Lehtosalo-Hilander P-L.* Luistari. II. The Artefacts. Helsinki, 1982.
- Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. II Typentafeln. Stocholm, 1998. 331 p.
- Zhurbin I. V.* A Comparative Analysis of Structural and Developmental Trends at Major Cheptsá Fortified Sites in the Western Urals (Idnakar, Uchkakar, and Guryakar) // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia.* 2020. Vol. 48. № 1. P. 120–128.
- Zhurbin I. V., Borisov A. V., Nazmutdinova A. I., Milich V. N., Petrov R. P., Ivanova M. G., Modin R. N., Knyazeva L. F., Vorobieva N. G., and Zinchuk S. V.* The Use of Remote Sensing, Geophysical Methods and Soil Analysis in the Study of Sites Disturbed by Agricultural Activity // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia.* 2019. Vol. 47. № 2. P. 103–111.
- Zhurbin I. V., Ivanova M. G.* Geophysical Studies at the Kushmanskoye (Uchkakar) Fortified Settlement, Kama Basin // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* 2018. Vol. 46. № 1. P. 76–85.

Поступила в редакцию 27.05.2021

Модин Роман Николаевич,

младший научный сотрудник

Отдела сохранения археологического наследия Института Археологии РАН,

117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.

e-mail: modin.roman@mail.ru

R. N. Modin

**THE EARLY HORIZON OF THE KUSHMANSKOE (UCHKAKAR)
FORTIFIED SETTLEMENT, IX–XII CENTURIES**

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-507-516

The article considers the early chronological horizon of one of the key archaeological sites of the Chepetskaya archaeological culture – the Kushmanskoe (Uchkakar) fortified settlement. The paper highlights the issues of the features of the occupation layer of the early settlement, its dating, the characteristics of the identified structures and the material culture are given. The early medieval settlement on the territory of the Kushmanskoe (Uchkakar) fortified settlement was limited by defensive structures consisting of a wood-earth bank and a ditch. They defended a settlement with an area of 6–10 thousand sq. m. The occupation layer of the early settlement had a small thickness of 0.2 m. Several structures were identified in it and investigated by excavation, two of which are the remains of ground buildings, another is a stone laying of an unclear purpose. The material culture of the early horizon allows us to determine the time of the existence of an early settlement within the IX–X centuries. It ceased to exist after the destruction of defensive structures, the ruins of which partially blocked the occupation layer of the early settlement. The cultural layer of the late chronological horizon on this site of the settlement was formed already on the surface of the ruins of defensive structures of the early period. A small area of the early settlement, defensive structures, features of its occupation layer allow us to hypothesize: it was a refuge for people of another nearby fortified settlement - Kushmanskoe III settlement.

Keywords: fortified settlement, settlement, chronological horizon, stratigraphy, finds, occupation layer, structure, earth bank, ditch, dating, bead, heart-shaped badge, ear cleaning, ring, buckle, geophysical measurements.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 507–516. In Russian.

REFERENCES

- Belavin A. M., Krylasova N. B.** *Drevnyaya Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk* [Ancient Afkula: an archaeological complex near the village of Rozhdestvensk]. Perm', PGPU, 2008. 603 p. In Russian.
- Valiulina S. I.** *Steklo Volzhskoi Bulgarii (po materialam Bilyarskogo gorodishcha)* [Glass of Volga Bulgaria (based on the materials of the Bilyar settlement)]. Kazan', Kazanskii gosudarstvennyi universitet im. V. I. Ul'yanova Lenina, 2005. 280 p. In Russian.
- Gening V. F.** Mydlan'-Shai – udmurtskii mogil'nik VIII–IX vv. [MydlanShai Udmurt burial ground of the VIII–IX centuries]. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions of the archeology of the Urals], 1962. Vyp. 3. Pp. 7–111. In Russian.
- Goldina R. D.** *Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e* [Lomovatovskaya culture in the Upper Kama region]. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, 1985. 280 p. In Russian.
- Goldina R. D., Koroleva O. P.** Busy srednevekovykh mogil'nikov Verkhnego Prikam'ya [Beads of medieval burial grounds of the Upper Kama Region]. *Etnicheskie protsessy na Urale i v Sibiri v pervobytnuyu epokhu* [Ethnic processes in the Urals and Siberia in the primitive era]. Izhevsk, Izd-vo «Udmurtskii universitet», 1983. Pp. 40–71. In Russian.
- Goldina R. D., Yutina T. K.** O datirovke i khronologii pogrebal'nykh kompleksov Agafonovskogo mogil'nika (IX–XII vv.) [On the dating and chronology of the burial complexes of the Agafon burial ground (IX–XII centuries)]. *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza: Khronologicheskaya atributsiya: Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoi ekspeditsii* [Antiquities of the Kama Region of the Iron Age: Chronological attribution: Materials and research of the Kama-Vyatka expeditio]. Band 25. Izhevsk, Izd-vo «Udmurtskii universitet», 2012. Pp. 447–472. In Russian.
- Zhurbin I. V., Antipina E. E., Ivanova M. G., Lebedeva E. Yu., Modin R. N., Sergeev A. Yu., Yavorskaya L. V.** *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya Kushmanskogo gorodishcha Uchkakar IX–XIII vv.: metodika kompleksnogo analiza* [Interdisciplinary studies of the Kushman settlement of Uchkakar of the IX–XIII centuries: a method of complex analysis]. Moscow, TAUS, 2018. 248 p. In Russian.
- Zakharov S. D., Kuzina I. N.** Izdeliya iz stekla i kamennye busy [Glass products and stone beads]. *Arkheologiya severnorusskoi derevni X–XIII vekov: srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere: v 3 t. T. 2.: Material'naya kul'tura i khronologiya* [Archeology of the Northern Russian village of the X–XIII centuries: medieval settlements and burial grounds on the Kubensky Lake: in 3 vols. 2.: Material culture and chronology]. Moscow, Nauka, 2007. Pp. 142–214. In Russian.
- Ivanov A. G.** Kachkashurskii mogil'nik IX–XIII vv. v basseine r. Chepsy [Kachkashur burial ground of the IX–XIII centuries in the basin of the Chepsy river]. *Materialy po pogrebal'nomu obryadu udmurtov* [Materials on the funeral rite of the Udmurts]. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN, 1991. Pp. 140–180. In Russian.
- Ivanov A. G.** *Etnokul'turnye i ekonomicheskie svyazi naseleniya basseina r. Chepsy v epokhu srednevekov'ya: konets V – pervaya polovina XIII v* [Ethnocultural and economic relations of the population of the Chepsy River basin in the Middle Ages: the end of the V – the first half of the XIII century]. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN, 1997. 309 p. In Russian.
- Ivanova M. G.** Kushmanskoe gorodishche [Kushmanskoye settlement]. *Voprosy arkheologii Udmurtii* [Questions of archeology of Udmurtia]. Izhevsk, Udm. nauch.-issled. in-t istorii, ekonomiki, literatury i yaz., 1976. Pp. 93–106. In Russian.
- Ivanova M. G.** *Idnakar: Drevneudmurskoe gorodishche IX–XIII vv* [Idnakar: An ancient Udmurt settlement of the IX–XIII centuries]. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN, 1998. 294 p. In Russian.
- Kazakov E. P.** *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii* [The culture of early Volga Bulgaria]. Moscow, Nauka, 1992. 335 p. In Russian.
- Kalmer I.** Rannie busy iz raskopok drevnei Kazani [Early beads from the excavations of ancient Kazan]. *Srednevekovaya Kazan': vzniknovenie i razvitie* [Medieval Kazan: the emergence and development]. Kazan', Izd-vo "MasterLain", 2000. Pp. 54–58. In Russian.
- Krylasova N. B.** *Arkheologiya povsednevnosti: material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya* [Archeology of everyday life: the material culture of the medieval Urals]. Perm', Perm. gos. ped. un-t, 2007. 352 p. In Russian.
- L'vova Z. A.** *Steklyannye busy Staroi Ladogi. Ch. I: Sposoby izgotovleniya, areal i vremya rasprostraneniya* [Glass beads of Staraya Ladoga. Part I: Manufacturing methods, area and time of distribution]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum], 1968. Vyp. 10. Pp. 63–94. In Russian.

L'vova Z. A. Busy I Polomskogo mogil'nika [Beads of the I Polomsky burial ground]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum], 1973. Vyp. 15. Pp. 83–104. In Russian.

Mazhitov N. A. Kurgany Yuzhnogo Urala VIII–XII vv. [Mounds of the Southern Urals of the VIII–XII centuries]. Moscow, Nauka, 1981. 164 p. In Russian.

Nikitina T. B. *Pogrebal'nye pamyatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya* [Funerary monuments of the IX–XI centuries. Vetluzhsko-Vyatka interfluve]. Kazan', Institut istorii AN RT, 2012. 408 p. In Russian.

Nikitina T. B., Kutuzova D. O., Vorob'eva E. E. Pogrebeniya s busami Anatkasinskogo mogil'nika [Burials with beads of the Anatkasinsky burial ground]. *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga Archeology], 2018, № 1(23). Pp. 199–219. In Russian.

Poluboyarinova M. D. Steklyannye izdeliya Bolgarskogo gorodishcha [Glass products of the Bulgarian settlement]. *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deyatel'nosti* [The City of Bulgarians. Essays on craft activity]. Moscow, Nauka, 1988. Pp. 149–217. In Russian.

Semenov V. A. Varninskii mogil'nik [Varna burial Ground]. *Novyi pamyatnik polomskoi kul'tury* [A new monument of Polom culture]. Izhevsk, NII pri SM UASSR, 1980. Pp. 5–135. In Russian.

Talitskii M. V. Kocherginskii mogil'nik [Kocherginsky burial ground]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archeology of the USSR]. № 1. 1940. Pp. 159–168. In Russian.

Yastrebov V. N. Lyadinskii i Tomnikovskii mogil'niki [Lyadinsky and Tomnikovsky burial grounds]. *Materialy po arkheologii Rossii* [Materials on the archeology of Russia]. № 10. Saint-Petersburg, 1893. In Russian.

Arbman H. Birka. I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm–Uppsala, 1940.

Arents U., Eisenschmidt S. Die Gräber von Haithabu. Band 2: Katalog, Listen, Tafeln, Beilagen. Neumünster: Wachholtz, 2010. 430 p.

Calmer J. Beads and bead production in Scandinavia and the Baltic Region c. ad 600–1100: a general outline – Perlen: Archäologie, Techniken, Analysen. Bonn, 1997. Pp. 197–202.

Frühmittelalterlicher Burgenbau in Mittel- und Osteuropa. Bonn, 1998. 451 p.

Lehtosalo-Hilander P-L. Luistari. II. The Artefacts. Helsinki, 1982.

Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. II Typentafeln. Stocholm, 1998. 331 p.

Zhurbin I. V. A Comparative Analysis of Structural and Developmental Trends at Major Cheptsya Fortified Sites in the Western Urals (Idnakar, Uchkakar, and Guryakar) – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia, 2020, Vol. 48. № 1. Pp. 120–128.

Zhurbin I. V., Borisov A. V., Nazmutdinova A. I., Milich V. N., Petrov R. P., Ivanova M. G., Modin R. N., Knyazeva L. F., Vorobieva N. G., and Zinchuk S. V. The Use of Remote Sensing, Geophysical Methods and Soil Analysis in the Study of Sites Disturbed by Agricultural Activity – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia, 2019. Vol. 47. № 2. Pp. 103–111.

Zhurbin I. V., Ivanova M. G. Geophysical Studies at the Kushmanskoye (Uchkakar) Fortified Settlement, Kama Basin – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia, 2018. Vol. 46. № 1. Pp. 76–85.

Received 27.05.2021

Modin Roman Nikolaevich,

Junior Researcher

of the Department of Preservation of the Archaeological Heritage
of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow),

19, Dmitry Ulyanov str., Moscow, 117292, Russian Federation,

e-mail: modin.roman@mail.ru